

РОЖДЕНИЕ

Там, где мыс золотой до камушка,
Где серебрены гризы трав,
Приняла меня Лена-Бабушка*,
Повитухой моей став.

И подвесила, лунолицая,
У Вселенной всей на виду
Колыбель мою лёгкой птицею
За Полярную, за звезду.

Приголубила в югой-песнею,
Синеву вдохнув мне в глаза.
И качался с ней в поднебесье я —
Сто веков вперёд, сто назад.

И плыла внизу осиянная,
Молодая, как вечный пир,
Свет-земля моя восьмигранная,
Мой желанный Срединный мир.

И летел мой смех в обе стороны,
И росла со мной коноязь,
И цвели на ней в полдень вороны,
В ясных соколов обратясь.

* Якуты издревле называют реку Лену «Бабушкой».

ДЕТИ ПОБЕДЫ

Звенят от забытого смеха
Воскресшие к жизни дворы:
Мы — дети военного эха,
Весёлой и гордой поры.

Пускай кое-как мы одеты,
Пусть жалит бока снеговей,
Зато мы любовью согреты
Расцветших опять матерей!

Пускай мы порою мечтаем
О горстке простых леденцов,
Зато в небеса мы взлетаем
На сильных ладонях отцов!

Пускай мы не скоро узнаем,
Как с ними прошли сквозь бои,
Зато мы с восторгом цепляем
Медали на майки свои.

И что нам какие-то беды,
Когда в мире столько весны!
Мы — дети Великой Победы,
Мы — дети Великой Страны!

РОДИНА

Она ушла на дно, как Атлантида,
В зелёные и жёлтые моря.
И плачет зря российская Исида,
Над травами бездонными паря.

Не разорвать ни вестом,
ни норд-остом
Терновых пут над родиной моей,
И лишь кресты качает
над погостом,
Как мачты затонувших кораблей.

В пучинах трав былое утопает,
И где-то там, на равнодушном дне,
Оно бессильно к памяти взывает
На недоступной людям глубине.

Я на закате этот зов услышу,
Но не увижу рати за спиной.
И, как на копья, упаду на крышу,
Пронзённую безжалостной травой.

Померкнет сон, как старая икона,
Но в полночь вспыхнет, словно наяву:
Очнулся я,
Отбил косу до звона,
Перекрестился
И шагнул в траву...

ДОМОВЫЕ

За Чёрным Мысом, где клубятся ели
И смотрят звёзды в чёрный окоём,
Они устало у костра сидели
И что-то пели грустно о своём.

От песни этой сумрачной и древней
Сникали травы в тишине лесной,
И только где-то призраки деревни
Дрожали миражами за спиной.

И только где-то, на погoste старом,
Сокрытые годами и листвой,
Вставали тени белые по парам
И горько в такт кивали головой.

Их голоса кружил по долу ветер
Среди деревьев тёмных и чужих...
Нет ничего печальнее на свете,
Чем песня трёх бездомных домовых.

* * *

Дрожит от пурги перегуда
Мой Север, свернувшийся в круг:
Куда ни пойди я отсюда,
Любая дорога — на юг.

Застыли Шекспир и Неруда,
Упрятали руки в золу:
Куда ни пойди я отсюда,
Любая дорога — к теплу.

Но дремлет частицею чуда
Забытое солнце в крови:
Куда ни пойди я отсюда,
Любая дорога — к любви.

И что мне на окнах простуда,
Распятые сосны в мольбе:
Куда ни пойди я отсюда,
Любая дорога — к тебе.

* * *

Ветра гиперборейские задули,
Их песне без привычки не подпеть.
И снег такой, что в нём завязли пули,
Что до меня пытались долететь.

Хранит мой дом ревущая отрада.
Или хоронит в снежной глубине?
Ушла в сугробы с головой ограда,
Часы навек застыли на стене.

Который день я в белом саркофаге
Не отличаю ночи от дня.
Лишь строчки проступают на бумаге,
Когда её подержишь у огня.

* * *

На закате встретившись с Россиею,
На брусятку я с небес спущусь.
На собор Блаженного Василия
Как на дом свой бывший окрещусь.

Усмехнётся зло столица Родины,
С панерти собьёт меня пинком:
Нужен ей совсем другой юродивый —
С отсеченным русским языком.

* * *

Катит дождь дырявую телегу
Над московской серой мостовой.
Как же я соскучился по снегу,
Как же истомился, Боже мой!

Я шагаю сумрачным илом
На неверный свет чужой свечи.
На Болотной чавкает болото,
Да кричат кикиморы в ночи.

В чёрном баке тощая жар-птица
Доедает чьи-то пироги.
Недовольным псом рычит столица,
Но кормильцам лижет сапоги.

Купола сникают в летаргии,
С серостью и пошлостью смирясь...
Нету снега — вот и нет России!
Всю втоптали, бедолагу, в грязь.

ШАТУН

Бросив вызов миру целому,
Под отчаянной звездой
Я бреду по снегу спелому
Не заснувшему бедой.

Я наспался за столетия,
Я устал от жалких снов:
Подавай мне лихолетия
С потрясением основ!

Подавай мне ширь раздольную,
Мне другим уже не стать,
Не смогу я волю вольную
На берлогу променять.

И хотя прекрасно знаю я:
Ждёт меня последний пир,
Но со снегом подминаю я
Под себя ничтожный мир.

Я ворвусь в конюшню вечером,
Заломаю я коня —
Не люблю я человечины,
Пусть уж ест она меня!

Холод, голод и лишения
Я вонжу клыками в плоть,
И отпустит прегрешения
Мне звериный мой Господь.

Я наполнюсь дикой силою,
Задымлюсь от куражка,
Пусть трясутся руки с вилами,
Пусть стволы скучают, дрожа.

Я зайдусь в смертельной радости
Главным гостем на пиру...
В этой жизни нету сладости,
Слаще смерти на миру!

МАРТ

Ещё от ветра вытирают слёзы
Берёзы на обочине реки
И в подворотнях прячутся морозы,
Позёмки намотав на кулаки.

Но золотой уже распахнут улей,
И ворохнулись в омуте сомы,
И воробей серебряною пулей
Пронзает грудь растерянной зимы.

И что-то шепчет домовой на ушко,
И в голос входят утром петухи.
И сладкой тайной светится опушка,
Где в скорлупу снегов стучат стихи.

ТЕНИ

Мы шли впервые рядом в это час
И даже рукавами не касались,
Но наши тени в двух шагах от нас
Уже напропалую целовались.

* * *

Полыхнёт под утро озаренье,
Подарив пронзительный итог:
Это ты мое стихотворенье,
А не то, что сохранит листок.

Всё вместили от ада до эдема,
Ослепляя белою строфой,
Ты — моя великая поэма,
В час безумства созданная мной.

Я испит до дна твою ночью,
И слова пустые не нужны
Родинок плывущих многоточью
На поляне золотой спины.

Как вести с тобой и небом битву,
Если каждый слог настолько груб,
Что не ляжет никогда в молитву
Междометий опалённых губ.

*Что найти мне в словаре убогом,
Что поставить в бесполезность строк
Рядом с этой, выточенной богом,
Рифмой двух летящих к звёздам ног?!*

* * *

*Так давно известно людям это,
Что не надо спрашивать волхвов:
Чем на свете хуже для поэта,
Тем и лучше для его стихов.*

*Такова поэту Божья воля,
Чтоб платил он кровью за слова,
Чтоб росли стихи из чистой боли,
Всые не плетаясь, как кружева.*

*Чтоб его не баловали грёзы:
К звёздам вознося, бросали ниц.
И чтоб многоточия, как слёзы,
Прожигали всполохи странци.*

*И чтоб лишь в последнюю дорогу,
Из-под сердца вынув горстку слов,
Дал Господь их, радостных, немного
Лучшему из избранных сынов.*